

этическую позицию, когда обеспечивают удовлетворенность потребностей носителя социальной сущности человека с биоэтических позиций. «Хвост» от названного мировоззрения, увы, сохранился и в содержании действующей Конституции России, обеспечивая духовно-правовые основания для того самого типа демократического устройства общества и его культурной жизни, который имел место в СССР. Биоэтика в масштабе современной России, таким образом, обнаруживает действительным свой предмет не только, так сказать, на медицинско-профессиональном, но и на политическом уровнях, в том числе и в сфере организации духовной жизни общества и его культуры.

Литература и примечания

1. *Дробницкий О.Г., Иванов В.Г.* Этика // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.

2. «Руководящей и направляющей силой советского государства, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является КПСС» (Бурлацкий Ф.М. *Государство* // *Философский энциклопедический словарь*).

3. Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 г., с изменениями от 30.12.2008 г. URL: <http://www.constitution.ru/>

References and notes

1. *Drobnicki O.G., Ivanov V.G.* Ethics // *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow, 1983.

2. “The leading and guiding force of the Soviet state, the nucleus of its political system, of all state organisations and public organisations is the Communist party” (Burlatsky F.M. *State* // *Philosophical encyclopedic dictionary*).

3. The Constitution of the Russian Federation of 25.12.1993 with the changes from 30.12.2008. URL: <http://www.constitution.ru/>

УДК 7.01

Д.Е. ЛИПАЕВА

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ КИНЕМАТОГРАФА)

Липаева Дарья Евгеньевна, соискатель кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета (Краснодар, ул. Калинина, 13), Dashalipaeva@gmail.com

Анотация. В данной статье автор, исследуя фильм А. Меликян «Про любовь», делает акцент на межкультурном взаимодействии молодежи. Выбор конкретных историй из всех представленных в фильме обусловлен присутствием в них тематики Востока. Особый интерес в пространстве игрового кино представляет такое движение, как косплей: костюмированная игра, объединяющая любителей японского аниме.

Ключевые слова: игра, аниме, косплей, маска, марионетки, Япония, традиции.

UDC 7.01

D.E. LIPAeva

THE FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION OF MODERN YOUTH (ON THE EXAMPLE OF CINEMA)

Lipayeva Darya Evgenyevna, applicant of department of sociology and cultural sciences of Kuban state agrarian university (Krasnodar, Kalinina str., 13), Dashalipaeva@gmail.com

Abstract. In this article, the author, exploring the film A. Melikyan, “About love”, focuses on cross-cultural interaction of young people. Film consists of five short stories, associated with the lecture, which reads

the main character. Selection of particular stories represented in the film, due to the presence in them of the theme of East. Of particular interest in the contemporary culture is a movement like cosplay. Refers to costume play brings together fans of Japanese anime.

Keywords: game, anime, cosplay, mask, puppets, Japan, tradition.

Человеческая жизнь начинается с игры. Получая всевозможные игрушки – кукол, машинки, детскую посуду – ребенок подражает взрослым, пробуя себя то в роли матери, ухаживающий за своим малышом, то в роли отца – водителя такси, то в роли бабушки, готовящей для всей семьи вкусный обед. Позднее, увлекаясь компьютерными сражениями либо игровыми приставками, подросток с легкостью «примеряет» на себя чужие костюмы, выступая в качестве того или иного героя, воплощаясь в образе привлекающего его персонажа. Устав от себя, он находит утешение в том, что в любую минуту может стать кем-то другим, устраняясь, таким образом, от необходимости отвечать за все, что с ним происходит в повседневной жизни.

Игра, изображение того, кем ты не являешься, а также сокрытие собственного лица актуальны и для маскарадов. Именно костюмированное представление дает возможность продемонстрировать свое alter ego. В данном контексте мысль, согласно которой весь мир – театр и все люди в нем – актеры, как никогда отвечает действительности. Вспомним, что именно у древних греков маска стала атрибутом античного театра. Исполняя в одном спектакле по несколько различных ролей, актеры меняли маски, предстывая перед зрителями в образе того или иного персонажа. Что же касается Древнего Рима, то в один из праздников, получивших название Сатурналий, уже не на подмостках сцены, но в реальной жизни рабы получали возможность почувствовать себя свободными гражданами и, переодевшись в одежды господ, могли пить и есть за одним столом со своими хозяевами.

Игровая ситуация оказывается и в центре художественного фильма современного отечественного режиссера Анны Меликян «Про любовь»¹, который включает в себя несколько историй. В одной из них рассказывается о молодой паре, увлекающейся косплеем (costumed play – костюмированная игра, основанная на переодевании в соответствии с образом героев аниме, манги, либо таких исторических типов, как самурай, гейша и т.п.). Знаменательно, что, вступив в интимные отношения, Лена и Игорь ничего не знают друг о друге, вплоть до имени и места работы². Каждого из молодых людей устраивает исключительно та маска, которую они на себя надевают, являясь двойниками Химеи и Тайто – персонажей японского аниме «Черный кролик и его семь жизней»³.

Аналогично тому, как Куроганэ Тайто в своих снах мечтает о девушке-вампире Химее, Игорь испытывает желание познакомиться со своей возлюбленной вне игры. Искренне забыв о том, что в момент, когда мечта оборачивается реальностью, жизнь Тайто резко меняется, Игорь уговаривает Лену о встрече. Однако когда юноша и девушка оказываются лицом к лицу, их симпатия мгновенно улетучивается и они с ужасом обнаруживают, что им не о чем говорить. Отчего такое оказывается возможным?

Вырываясь из оков повседневности (Лена работает официанткой), облаченная в костюм Химеи, девушка не отягощает себя мыслями о том, как прожить данный отрезок жизни: что отвечать, во что одеться, как себя вести, потому что все это уже придумано создателями аниме. Более того, окружающая Лену жизнь глазами Химеи также видится лишь маскарадом. Неслучайно, когда они с Тайто попадают в отделение полиции, девушка высказывает свой протест следующим образом: «Почему вам можно играть в форму, а нам нельзя? Почему вы можете играть, а мы нет? Вы же тоже играете в полицию.

¹ «Про любовь» (Россия, 2015). Режиссер А. Меликян, композитор Дмитрий Емельянов, в главных ролях Рената Литвинова, Михаил Ефремов, Мария Шалаева и др.

² Комментируя подобное положение дел, Лена говорит: «Зато я знаю другое, я знаю, какой он. Что мне с того, что его зовут Игорь, что он там-то родился, там-то учился... Я знаю, что он Тайто. Я его люблю» (09:55).

³ «Черный кролик и его семь жизней» (Япония, 2011). Режиссер Ямато Такаси, автор манги Такая Кагами.

У вас форма, у нас тоже, между прочим, форма. Мы играем в аниме...» (08:07). По сути, образ Химеи оказывается для Лены спасительным в силу того, что в обыденной жизни она малопривлекательна и одинока. О неустроенности жизни героини свидетельствует ее быт, в котором мало уюта и порядка.

Знаменательно, что столь существенные для нормальной жизни человека вещи, как принятие пищи, поддержание чистоты в своем жилище и т.п. напрочь отсутствуют в аниме, косплеерами которого являются Лена и Игорь. Поэтому зритель вряд ли сможет ответить на вопрос, насколько места обитания Химеи и Тайто несут на себе отпечаток облика их хозяев. Точно также мы затрудняемся сказать, какие блюда предпочитают герои аниме⁴. Зато в полном соответствии с персонажем Лена реализует свой сексуальный интерес с той лишь разницей, что в отличие от Тайто, которому она доверяет, со всеми остальными партнерами она вступает в близость только при наличии презерватива.

Пережив разочарование от свидания с обыкновенным парнем Игорем, ничем не примечательная среди сотен тысяч других девушек обыкновенная Лена снова радуется жизни, погоде и людям вокруг лишь тогда, когда становится Химеей. И именно в момент исполнения песни виртуальной героини, двойником которой Лена становится добровольно, Игорь в образе Тайто идет навстречу возлюбленной, и они на глазах у прочих участников фестиваля сливаются в поцелуе.

На первый взгляд, эта незатейливая история, рассказанная современным режиссером с нежностью и сочувствием, умиляет своим хеппи-эндом. Однако в действительности мы понимаем, что, не прилагая усилий в собственном развитии, отказавшись от личностного становления, молодые люди выступают марионетками, которыми управляют, подобно героям аниме, режиссеры, представляющие отличную от нашей культуру. В итоге чужие традиции не только не обогащают героев отечественной киноленты, но поработают их. Не обременяя свой ум осмыслением всего того, что происходит в окружающей их действительности, уходя от ответственности за свою жизнь и необходимости делать тот или иной выбор, Лена и Игорь предпочитают оставаться детьми, которые с удовольствием погружаются в игру, соблюдая все ее правила. Очевидно, что подобным образом осуществляемое межкультурное взаимодействие оказывается не безобидным для молодых россиян. Принимая во внимание теснейшую взаимосвязь национальной картины мира с таким феноменом, как менталитет народа, в том числе ментальность каждого конкретного представителя той или иной этнической группы [1; 2; 3], нельзя не признать: проецируемые японским аниме ценности не могут исподволь не деформировать картину мира молодого поколения россиян [4, с. 79-81].

Другими словами, подлинное межкультурное взаимодействие, основанное на диалоге культур, подменяется здесь тотальной зависимостью от «замешанного» на традиционных ценностях иной культуры продукта. Однако поскольку национально-языковая картина мира являет собой неповторимый результат «мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса» [5, с. 137], любители рядиться в чужие одежды оказываются на обочине культуры, постепенно превращаясь в манкуртов⁵.

О том, насколько подлинный диалог, предполагающий процесс согласования противоречий, в действительности требует колоссальной внутренней работы, повествует другая история, рассказанная А. Меликян в фильме «Про любовь». Имеется в виду приехавшая в Россию на «Фестиваль русской культуры» молодая японка. Испытывая искреннее чувство восхищения культурой нашей страны, Мияко надеется найти в Москве мужа с русской душой. Поскольку ее представления о россиянах складываются на основе русской классической литературы, Мияко сильно заблуждается в оценке тех мужчин и женщин,

⁴ Заметим, что режиссер А. Меликян весьма свободно трактует образы главных персонажей. В частности, в отличие от Тайто, который в аниме представлен со светло-голубыми волосами, Игорь носит ярко-фиолетовый парик и черный плащ, никак не связанный с образом «мультяшного» Тайто.

⁵ Манкурт – человек, потерявший связь со своими историческими, национальными корнями, забывший о своем родстве. По наименованию персонажей романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок».

которые попадаются на ее пути. Опираясь на культурные стереотипы, девушка видит все происходящее с ней исключительно в розовом цвете. Возможно, прочитав не одну книгу-справочник о характерах, привычках русского народа, Мияко наивно верит в то, что подобные типы встречаются в многолюдной Москве на каждом шагу.

Примеряя характерные для культуры Японии традиции на чуждую для нее почву, гостя в итоге понимает все не так, выдавая очевидную для российского зрителя ложь за истину. Вот лишь некоторые умозаключения девушки, с которыми она знакомит зрительскую аудиторию:

– официантка не улыбается потому, что чувствует, что «она приехала забрать у нее мужчину» (в Японии принято всем улыбаться);

– полупьяный галдеж «отдыхающих» в спорт-баре Мияко расценивает как искренность (японцы избегают публичного выражения своих чувств);

– альфонса героиня принимает за приличного мужчину, поскольку он «легко и свободно обращался с ее кредиткой, будто они уже семья»;

– молодого человека, открыто вымогающего у нее деньги посредством жалобной истории «про белого бычка», Мияко считает трогательным и настоящим (японцы на вопрос «как дела?» всегда отвечают очень сдержанно).

Зная не понаслышке, что в Японии от качества школьного, а впоследствии и вузовского образования зависит будущая жизнь молодого человека, претендующего на высокооплачиваемую работу⁶, Мияко уверена в следующем. Выбранные ею по интернету для знакомства мужчины, как минимум, могут поддержать разговор о русской культуре и творчестве тех авторов, которые дороги сердцу девушки. Другими словами, влюбившись в русскую культуру, молодая девушка жаждала общения с непосредственными носителями этой культуры, надеясь поделиться с ними своими впечатлениями о наследии русских гениев. К сожалению, все пятеро молодых людей не только не смогли поддержать беседу об искусстве, но и совершенно не знали, кто такой Шолохов, Тарковский, Скрябин, Пастернак, Рахманинов. При этом Маяковского они называли композитором, и лишь при упоминании о Пушкине что-то забрезжило в их умах.

Знаменательно, что в итоге поделиться своей увлеченностью русским наследием Мияке удалось лишь со своим соотечественником, также приехавшим на «Фестиваль русской культуры»⁷, поскольку Йоша имел различные познания о русской культуре. Прежде всего, он без труда определил, чья репродукция украшает одну из стен гостиничного номера. При этом он, согласно «русской» традиции, предложил Мияке чай, плеснув в него несколько капель коньяка, в том числе без труда поддержал разговор о любимых Миякой периодах русской истории, обнаружив сходство между девушкой и Екатериной Великой! Их свидание продлилось до самого утра под пение «русских» песен под гитарный аккомпанемент девушки с той лишь оговоркой, что на самом деле в репертуаре Мияко оказался лагерный шансон (песня «Гоп-стоп»).

Очевидно, что в данном случае в лице Ойши и Мияко мы сталкиваемся не столько с подлинными носителями русской культуры, сколько с оперирующими художественными стереотипами людьми, проявляющими любознательность к культурному наследию чужой для них страны. К сожалению, на фоне таких иностранных граждан наши сограждане выглядят еще более чуждыми отечественным традициям, забывая о том, что «если молодой человек потерял духовное наследие культуры, в которой он вырос ... то ему не дано отождествить себя ни с чем и ни с кем, и тогда он в самом деле ничто и никто – как это можно прочесть сегодня в отчаянной пустоте многих юношеских лиц» [6, с. 203].

⁶ Как правило, чем основательнее школьники знают материал к концу обучения, тем проще и вероятнее будет пройден ими один-единственный тест, который и решит результат поступления в тот или иной институт. Поэтому кроме обычной школы многие ученики посещают частные и подготовительные занятия, улучшая приобретенные знания. Неслучайно поэтому в Японии практически нет второгодников, а процент посещаемости равен ста.

⁷ Йоша приезжает в Москву вслед за Мияко, чтобы завоевать ее внимание и расположить к себе.

Подытоживая вышеизложенное, нельзя не отметить, что при всех попытках проникнуть в иную культуру мы в большинстве своем либо скользим по поверхности, подменяя игрой действительность, либо оказываемся под влиянием культурных штампов, уводящих нас от реальности, и единственное, что нас делает равными друг другу, – это любовь. Таким образом, суть историй, рассказанных А. Меликян, заключается в следующем. Если, даже будучи представителями одной национальности, мы столь непохожи друг на друга, то уберечь нас от распрей и агрессии способно не что иное, как любовь. Как сказал Блаженный Августин, «полюби и делай что хочешь».

Литература

1. Волкова П.С., Лабутина И.Г., Малько Е.С. Ментальность как феномен культуры. Краснодар, 2012. 134 с.
2. Волкова П.С., Лабутина И.Г. Ментальность как феномен культуры: социально-философский анализ. М., 2013. 130 с.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. 393 с.
4. Липаева Д.Е. Приметы традиционной японской культуры в аниме «Темный Дворецкий» // Музыка в пространстве медиакультуры: Сборник статей по материалам Третьей Международной научно-практической конференции 18 апреля 2016 г. Краснодар, 2016. С. 79-81.
5. Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: беспризорники в нашем доме // Суть времени. 7 ноября 2012 г. №3.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. 349 с.

References

1. Volkova P.S., Labutina I.G., Malko E.S. Mentality as a cultural phenomenon: Krasnodar, 2012. 134 p.
2. Volkova P.S., Labutina I.G. Mentality as a cultural phenomenon: social and philosophical analysis. Moscow, 2013. 130 p.
3. Lorenz K. Oborotnaya storona zerkala [The reverse side of the mirror]. Moscow, 1998. 497 p.
4. Lipaeva D.E. Signs of traditional Japanese culture in anime “Dark Butler” // Music in the space of media culture: proceedings of the Third international scientific-practical conference on 18 April 2016. Krasnodar, 2016.
5. Sverchkov A., Krizansky Yu. Reflecting on children’s drawings: homeless children in our house // Suty vremeni. Nov. 7, 2012. №3.
6. Kornilov O.A. Language picture of the world as derivatives of national mentalities. Moscow, 2003. 349 p.

УДК 304.3

А.А. КОЗАЧЕНКО

СИМУЛЯЦИЯ ПОЗНАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ ИГРЕ

Козаченко Александр Алексеевич, магистрант Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, 40 лет Победы, 33), mr.aleksandr.kozachenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме симуляции познания в виртуальной реальности компьютерных игр, самореализация человека в которой является признаком его принадлежности к субкультуре геймеров. Проблема рассмотрена в аспекте культурных оснований подобной симуляции вне виртуальной реальности: не наблюдались ли прежде формы симуляции социальной активности и познавательной деятельности, не является ли уход в виртуальность адекватным ответом личности на реальные современные социальные и культурные условия.

Ключевые слова: субкультура, игра, познание, культура, информационное общество.